
В предыдущей жизни, когда я была обычной японской девушкой, мне довелось услышать одну городскую легенду.

Недавно переехавшие мать с ребенком решили прогуляться по магазинам. Но они заблудились, поскольку не были знакомы с этим районом.

Но в тот момент, когда они остановились, тем, кто указал матери верную дорогу к магазинам, оказался ее ребенок, которому не было и пяти лет.

«Нам нужно перейти дорогу там, а затем свернуть направо. Я узнаю эту улицу».

Конечно, он впервые приехал сюда. Он просто не мог знать этого.

Но на деле магазин действительно оказался в том самом месте, о котором говорил ребенок.

Несмотря на удивление, мать последовала его указаниям, и в тот момент, когда они переходили дорогу, мальчик пробормотал низким зрелым голосом:

«Я ... попал здесь под машину в моей прошлой жизни».

«Охтыж!!» - подумала я, когда впервые слышала эту пугающую историю.

Но сейчас она меня уже не пугает. А причина в том, что теперь я в той же ситуации, что и ребенок в этой истории.

Другими словами, я переродилась с сохранившимися в голове воспоминаниями о прошлой жизни.

Но в этой жизни я не человек.

Я взглянула на мягкую руку, покрытую белым мехом. Нет, на мягкую лапку, так будет правильнее.

Вглядываясь в пейзаж морозной весны вокруг меня, я заметила отражение на льду.

«Кюн...»

Я вздохнула. Сколько бы раз я не смотрела на себя, увидеть удавалось далеко не человека.

Сейчас на меня смотрел маленький лисенок с серебристо-белой шерстью, подобной цвету снега. Собственно говоря, я была несколько более пухленькой, чем остальные лисицы, с которыми мне доводилось познакомиться. Мою шею, словно шарф, опоясывал пушистый мех, и даже мой хвост был настолько пушистым, что, вероятно, на девять десятых он состоял из шерсти.

Вероятно, если бы я свернулась в клубок, меня можно было бы с легкостью спутать с валяющимся пушистым мячом или шариком.

Но причина столь нелепого вида, возможно, заключалась в том, что я жила в заснеженных горах. Мех являлся своего рода естественным пальто. Даже когда я находилась в самом

эпицентре снежных ветров в горах с минусовой температурой, я чувствовала себя прекрасно.

Однако я не чувствовала никакого дискомфорта из-за холода еще и потому, что я была не совсем обычной лисой.

По словам моей матери в этой жизни, наш вид классифицируется как «дух». Другими словами, я не только даже близко не человек, но и животным назвать меня нельзя.

Видимо, мы - снежные духи, принимающие форму лисиц, но это единственное, что мне известно.

Мать не имеет ни малейшего представления о том, что у меня сохранились воспоминания о прошлой жизни, поэтому она, вероятно, решила не говорить ничего заумного, потому что считает меня еще совсем ребенком.

Сейчас я еще молода и, как это не прискорбно, не умею разговаривать точно так же, как и человеческие дети.

Сколько бы я не старалась, самое лучшее, что мне удастся произнести - «кюн кюн».

«Кюн...»

Я вздохнула уже второй раз за сегодня.

Даже мои вздохи не звучат как «хаа», вместо этого я издаю «кюн». И звучит это невероятно глупо, так что я не в восторге от этого. Но не более того, нет ощущения какой-либо подавленности или чего-то в этом духе.

И в этот момент я увидела маленькую рыбку, весной.

Мои уши наострились, и я ступила на толстый слой льда. Мои мягкие маленькие лапы были слишком слабыми, так что я была уверена, что у меня не получится ими сломать лед, чтобы поймать рыбу.

Но тем не менее я не могла ничего с собой поделать.

В моей прошлой жизни я умерла довольно рано: в 18 лет, и с тех пор, как я здесь переродилась, прошло уже около года. Другими словами, моему сознанию почти 20 лет, но иногда природа берет свое, и я замечаю за собой поведение, свойственное возрасту моего нового тела и его животным инстинктам.

Когда я вижу какие-то предметы, которые можно подвигать, у меня появляется безумное желание погонять их, и я не могу контролировать себя.

Стыдно говорить, но иногда я даже гоняюсь за своим хвостом, не осознавая этого, и бегаю по кругу.

Я гонялась за маленькой рыбкой, плавающей под ледяным покровом, и наматывала круги вокруг нее. Лед был скользким, отчего я падала примерно через каждые пять метров. Поскольку моя детская головка была слишком большой, я обнаружила, что достаточно сложно ровно бежать по твердой почве, не говоря уже о льдинах.

Как бы насмехаясь надо мной, мелкая рыбка продолжала быстро плавать то тут, то там.

Черт, че-ерт! Как же я хочу эту рыбку.

Я становилась все более и более упрямой, и в итоге я уже собиралась начать скрести коготками по льду, когда раздался голос:

«Что ты делаешь в таком месте, Милфирия?»

Позади меня я услышала властный и ясный голос женщины. Милфирия - мое имя в этой жизни.

Я забыла на мгновение о рыбе и обернулась. Моему взору предстала красивая лиса около метра в высоту. Она пристально смотрела в мою сторону своими светло-голубыми глазами.

Это была Мать.

«Кюн!»

Издав пронзительный крик, я подбежала к матери и потерлась головой о ее передние лапы.

«Солнце вот-вот зайдет. Пришло время вернуться домой, мое любимое дитя».

В отличие от меня, Мать умеет говорить. Интересно, смогу ли я тоже говорить, когда вырасту?

Мать, осторожно укусив мою шкурку, подняла меня. Она пошла по поверхности затвердевшего снега в сторону нашего дома.

Мы живем в пещере, расположенной недалеко от вершины этой заснеженной горы. Ветра здесь нет, так что мы не беспокоимся о том, что нас могло бы завалить горами снега, пока мы спим.

Мать, добравшись до глубин пещеры, опустила меня вниз, а затем закрыла глаза, как будто концентрировалась.

И через мгновение очертание силуэта большой лисицы стало расплываться, а на ее месте появилась невероятно красивая женщина с чистой светлой кожей.

У нее были длинные искрящиеся серебристо-белые волосы, а вокруг ее шеи был повязан белый шарф из меха. Это ведь не мех лисы, правда?

На ней была одежда, похожая на японское кимоно с китайскими нотками в стиле, создавалось впечатление, что в ее облике есть что-то от ослепительной Юки-онны.

Разрез кимоно был очень открытым и открывал вид на приковывающую взгляд ложбинку. Хотя она и моя мать, я не могу не признать, что у нее удивительная грудь. Пожалуйста, пусть это будет наследственным.

Верно. Это было человеческое обличье Матери. Хотя она большую часть времени и проводит в своей лисьей форме, иногда я застаю [особенные времена], когда ей надолго приходится становиться человеком.

Эти [особенные времена] наступают тогда, когда Мать отправляется в город.

«Милфирия, мне нужно поговорить с тобой».

Мать позвала меня столь же прекрасным голосом, что и у ее иной формы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4862/87657>